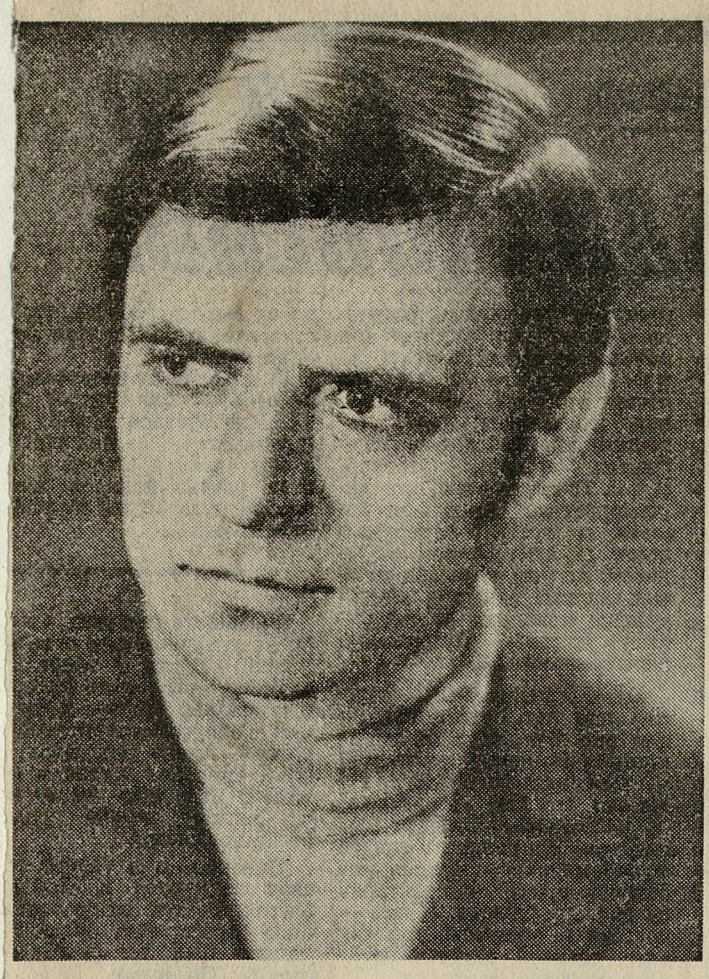
30 МАР 1979



люди искусства

СО СВОИМИ ГЕРОЯМИ

Сергей МАРКОВ

Затихли аплодисменты, погасли прожектора. Спектакль Московского театра имени Вл. Маяковского «Человек из Ламанчи» окончен. Но долго еще будут в памяти глаза — мудрые, скорбные у Мигеля Сервантеса, надрывные, взывающие у Рыцаря печального образа Дон Кихота. Долго будет звучать драматически-восторженный голос: «...мечтать, пусть обманет мечта, бороться, когда побежден, искать непосильных задач, и жить до скончанья времен».

И Сервантеса, и странствующего рыцаря играет в этом спектакле Александр Лазарев. После громкой музыки, аплодисментов, водопада цветов в гримуборной необычно тихо и спокойно. В кресле, положив большие руки на подлокотники, сидит усталый, будто еще более похудевший и осунувшийся актер. На сегодня работа закончена.

— Я бесконечно благодарен судьбе за эту роль. Не представляю теперь свою жизнь без нее. Невозможно выразить словами, как много дает мне, актеру и человеку, мой Дон Кихот...

Персонаж музыкальной комедии Д. Вассермана и Д. Дэриона в исполнении Лазарева максимально приближен к легендарному герою Сервантеса, о котором И. С. Тургенев сказал: «Когда переведутся такие люди, пусть закроется книга истории: в ней нечего будет читать».

Трудно представить более подходящего для Дон Кихота актера. Александр Лазарев вообще умеет делать роли, особенно театральные, удивительно «своими», «присваивать и совмещать», как любит говорить главный режиссер Театра имени Вл. Маяковского А. Гончаров. Интонации, движения, мимика героев становятся у актера живыми, органичными. Но Рыцарь печального образа — особенный случай. Актер будто родился для Дон Кихота. Причем не внешность, не фактура — высокий рост, характерная худоба и в жизни порой романтически отрешенный взгляд — здесь главное. Важнее другое: доброта, внимательность, уважение к человеку — качества, присущие натуре этого актера. Уже четыре года Лазарев — депутат Моссовета. Люди идут к нему за помощью: не может того быть, чтобы народный артист — и не помог! И он помогает, сколько бы времени и нервов это ни отнимало. Между утренними репетициями, дневными съемками и вечерними спектаклями бегает по инстанциям, выбивает телефон для инвалида войны, лишнюю комнату для многодетной семьи. «Благо, что ноги длинные»,— смеется актер. Постепенно эта работа стала его второй профессией, второй жизнью. Ведь как приятно, когда удается сделать действительно что-нибудь полезное, нужное, когда люди звонят и благодарят от всей души.

И в сценических героях Лазарева — доброта. Сыграть доброту невозможно. Она есть или ее нет. И тут никакое, даже самое искусное лицедейство не поможет. Лазарев даже в роли отрицательных персонажей не спешит с осуждением. Он им судья, умелый, тонкий, но всегда справедливый. И потому уже в одной из ранних своих ролей — Константина Ванюшина в пьесе С. Найденова — находит столь яркие и убедительные краски, что его герой становится самым фарсовым, почти гротесковым персонажем спектакля. Без жалости высмеивает Лазарев его внешнюю утонченность и возвышенность, за которой скрываются обыкновенные пошлость и хамство.

В «Детях Ванюшина» актер демонстрирует свое удивительное умение диалектически сочетать жизнь в образе и брехтовскую остраненность. Благодаря такому сочетанию актер добивается поистине драматического накала и в то же время ни на мгновение не дает зрительской мысли раствориться в чувстве. Это самые дорогие актеру мгновения, доступные лишь немногим,— мгновения полной, мертвой тишины перед аплодисментами, когда у актера перехватывает горло и останавливается время.

— ...Так, молодой человек... Маяковского вы читаете неплохо. Ну, а партизана перед расстрелом могли бы изобразить?.. Ну, скажите просто: «стреляй».

— Стр-р-реляй, стр-р-реляй, гад! — вдруг, что есть силы в легких, завопил высоченный неуклюжий парень, заливаясь краской. И оглушительно шарахнул кулаком по фанерному столу.

— Стоп, стоп, стоп! — вскочил со стула, довольно улыбаясь и потирая руки, Николай Павлович Охлопков.— Вы так всю мебель в театре переколотите. Верю, верю, нерв есть. И рост подходящий. Завтра утром приходите оформляться на работу.

Так закончилось его прослушивание в Театре имени Вл. Маяковского. До этого Лазарев окончил Школу-студию МХАТа. Любопытно, что после первого курса почти уже было решено отчислить его. «Застенчивым был, неактивным, совершенно не умел двигаться,— вспоминает его педагог Е. Морес.— Хоть и защищала я Сашу больше всех, но сама мало верила...». Однако упорство — начало всех начал. Первая его значительная студенческая работа — Пьер Безухов — была уже небольшой, но победой.

— Сначала Охлопков поручил мне выносить пики на сцену,— рассказывает Лазарев,— изображать на заднем плане народ. Вы знаете, это весьма полезно молодому актеру. Надо, надо набрать в легкие «святую пыль кулис»...

В студенчестве Лазарев страстно мечтал сыграть человека аналогичного чаплинским персонажам, только не маленького, с усиками и в котелке, а большого и несчастного. С тех пор он переиграл около пятидесяти ролей в театре, больше двадцати — в кино, работал на радио, телевидении. Роли были трагические, гротесковые, лирические, комедийные, драматические. А «большого и несчастного» сыграть пока не довелось. Все герои Лазарева, как правило, значительны внутренним единством и борьбой противоположных начал, душевной силой, крупностью решаемых проблем.

Не привычного нам Петю Мелузова в «Талантах и поклонниках» — неуклюжего горемыку без определенных занятий — сыграл Лазарев, но убежденный, глубокий русский характер. Его Мелузов — достойный человек, бессребреник, просветитель. С обычно звучащих дидактически проповедей и деклараций героя актер снимает ложный и неубедительный пафос назидательности. Петя Лазарева по-настоящему убежден в правильности своих мыслей, прекрасно понимает бесполезность поучения господ Дулебовых и, как умный человек, относится к этим людям с иронией. В любви же, тоже очень по-русски, Петя оказывается полностью открытым, обезоруживающе незащищенным. Но этим только дополняется сложный, сильный характер.

Хороший актер — начало всегда активное. Он должен уметь притягивать внимание зрителя, брать его в плен, если хотите, диктовать ему свою волю. Для этого необходимо безошибочное чувство зала. Но еще больше, наверное, необходимо глубокое содержание самой личности актера. Истина — чтобы быть интересным, нужно самому интересоваться. Александр Лазарев и в профессии, и в жизни необычайно любопытен. С радостью берется за литературные чтения на телевидении: читал Бунина и Платонова, Чернышевского и Грина, Ремарка и Каверина. Дружит с художниками и литераторами, умеет слушать, как бы ни был занят, каждый день обязательно читает, особенно много — книги по искусству. Любовь к живописи у Лазарева наследственная — он родился в семье художника.

— У нас в семье проблема «отцов и детей» выглядела так: спорили с отцом до хрипоты о реализме и модернизме. Я был, естественно, как все в молодости, ярым сторонником всего нового. С годами наши разногласия поутихли, но и теперь меня манит многослойность и тонкая интеллигентность «мирискусников», чуткость и свежесть импрессионистов.

Первое, что бросается в глаза,— яркая фактура Лазарева: крупность, великолепная пластика, выразительность рук, глубокий богатый голос. Герои Лазарева всегда отличаются зримыми и точными внешними приметами. Благодаря режиссерскому мастерству А. Гончарова, усилиям самого актера эти внешние приметы одухотворяются мыслью, чувством.

Самый богатый, самый яркий, но не терпящий никакой фальши инструмент — глаза драматического актера. Можно расписать мизансцены, отработать мимику, пластику, интонации. Но глаза — не научишь. Они — отражение глубины мира актера, его дум, его переживаний. Пронзительны в первую секунду глаза Лазарева — немецкого военврача в кинофильме «Возмездие». Он идет по освобожденному лагерю советских военнопленных — теперь сам пленный. Идет, шепчет, будто молится омертвевшими губами. Совсем маленький эпизод. Но как он запоминается!

Лазарев скуп в красках. Не потому, что их богатство ему недоступно, а потому, что настоящие живописцы умеют брать у цвета главное, использовать полутона, четвертьтона. Отсюда — неожиданность. Лазарева всегда интересно смотреть, в особенности его театральные работы. Все это результат не только высокой техники, а и того счастливого обстоятельства, что этому актеру всегда «строку диктует чувство».

— Саша — человек ранимый, он все переживает как ребенок,— говорит его жена, заслуженная артистка республики Светлана Немоляева.— И удачи, и неудачи, и мои проблемы, и дела нашего сына Шурки. И вообще, он очень эмоциональный человек. Я помню, как он всю ночь не мог заснуть и курил беспрерывно на кухне после того, как прочитал рассказ одной чилийской актрисы о пытках и унижениях. Кажется, это было перед «Венсеремос!» или уже во время работы...

Этот спектакль Театра имени Вл. Маяковского не только о Чили. Он — об ужасе физического или духовного насилия, о причинах, порождающих фашизм, о гражданской совести литератора, о мужестве, бескомпромиссности. Лазарев играет пристрастно, субъективно, потому что сам выстрадал эти мысли драматурга, сам им предан. Этот актер почти никогда не выходит на сцену с прямой исповедью. Всегда он оставляет себе возможность посмотреть на своего героя как бы со стороны. Но последняя работа актера — генерал Хлудов в пьесе М. Булгакова «Бег» — исключение. От начала и до конца Лазарев играет Хлудова обнаженно, открыто. Не играет — живет трагической судьбой русского генерала, жестокого, исступленного, окровавленного вешателя и вместе с тем сильного, образованного, одаренного человека, приходящего неминуемо к мысли об искуплении своей вины перед родиной. Лазарев достигает в этой роли поистине грандиозной, трагической высоты.

...Он самозабвенно любит театр. Артист уверен, что не имеет права отнимать у зрителя драгоценное время, давать ему повод для душевной лени и равнодушия. Каждый спектакль — премьерный ли, сотый ли — играет, не жалея себя, с полной нервной и физической отдачей. Смысл жизни видит в том, чтобы делать, говоря словами его Дон Кихота, «наш еще столь несовершенный мир ну хоть чуточку добрей и милосердней».

● *Народный артист РСФСР А. Лазарев.*